

Н. Г. Чернышевский

Песни разных народов

Пер. Н. Берг. Москва. 1854

Н. Г. Чернышевский. Литературная критика. В двух томах. Том 1.

М., "Художественная литература", 1981

Подготовка текста и примечания Т. А. Акимовой, Г. Н. Антоновой, А. А. Демченко, А. А. Жук, В.

В. Прозорова

OCR Бычков М. Н.

Говорят, будто бы человек не бывает ничем доволен. Действительно, так иногда случается, и нельзя не сказать, что в избитой фразе о ненасытности человека, о безграничности его требований есть своя доля правды, как есть своя доля правды во всем, что когда-нибудь было или будет сказано. Но гораздо более справедливости в противоположной мысли, которая слышится не столь часто: человек вообще чрезвычайно склонен к самодовольству и, вследствие того, к довольству всем, что считает своим. Посмотрите, как неумеренно каждый народ превозносит свое участие в истории, как ставит он себя первым в мире народом! Для нас, например, посторонних и потому до высокой степени беспристрастных зрителей, забавно видеть, как французы почитают первую в мире литературою свою литературу, англичане свою, немцы свою; мало этого, даже итальянцы до сих пор продолжают считать себя стоящими в челе всемирного движения, воображают, будто бы их поэты и ученые -- не Данте или Ариосто, не Джордано Бруно или Галилей, -- нет, современные, не важные ни для кого, кроме самих итальянцев, поэты и ученые -- первые двигатели умственного и нравственного мира. После этого легко будет оценить и степень основательности притязаний каждого нового поколения на безусловную справедливость стремлений своего века. Беспрестанно повторяется старая история присуждения греками награды тому человеку, который наиболее содействовал победе над Ксерксом: когда началась баллотировка, каждый из присутствовавших клал в урну свое собственное имя¹. Мы не говорим, чтобы все притязания настоящего поколения на славу были несправедливы; мы даже не хотим решать и того, справедливы ли притязания нашего времени на первенство над всеми предыдущими историческими эпохами, на безусловную справедливость того "духа века", который веет ныне. Мы только хотим сказать, что похвала из собственных уст ненадежна, что самодовольство не ручается еще за справедливость и превосходство, что надобно ждать похвалы от других, не опираясь на собственную, что истина не есть исключительная привилегия одного какого-нибудь поколения и что полезнее подвергать строгому по возможности анализу свои понятия о собственных достоинствах, нежели успокаивать свое самолюбие фразами: "мы обладатели полной, всесторонней истины; все наши предшественники ошибались; мы выше и лучше всех: наши стремления безусловно безошибочны". Любовь к себе так сильна, что может нуждаться только в разумном обуздании, а не в безотчетных подстреканиях.

Одно из любимых обвинений со стороны нашего века против предыдущего -- "наши отцы и деды мало заботились о народности". Как полно прилагается теперь эта мерка самовосхваления, например, к русской литературе! "Элемент народности слаб у Карамзина и Жуковского; потому содержание их произведений бесконечно ниже того содержания, какое находим в современной литературе"². Быть может, и справедливо, что в наше время литература развила в себе содержание более высокое и живое, нежели какое влагалось в нее нашими отцами; не хотим решать этого вопроса, он может быть решен только последующими поколениями, и для нас было бы горько решить его отрицательно. У кого поднимется рука на то, что кажется ему своим? Но если трудно для нас признаться, что мы ниже наших отцов, что

Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда,
И прах наш с строгостью судьи и гражданина
Потомок оскорбит презрительным стихом³,--

если нам трудно отказаться от претензий на превосходство, то, быть может, не так тяжело для нас взглянуть, действительно ли наше превосходство основывается на тех стремлениях, которые считаются отличительными чертами нашего века и которыми так гордится наш век. Исключительное развитие